

Философия и биоэтика

© КУДАШОВ В. И.

УДК 111.81

ИСЦЕЛЕНИЕ ТЕЛА И ЦЕЛОСТНОСТЬ ТЕЛЕСНОСТИ

В. И. Кудашов

ГБОУ ВПО Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения РФ, ректор — д. м. н., проф. И. П. Артюхов; кафедра философии и социально-гуманитарных наук, зав. — д. ф. н., проф. В. И. Кудашов.

Резюме. Состояние здоровья как «исцеления» тела определяется необходимостью обретения целостности и в этом смысле составляет основание свободы саморазвития. Современные исследования человека заставляют признать, что его телесность включает как физические, так и метафизические аспекты целостного бытия субъекта в мире. Телесность не тождественна телу как организму и включает помимо психофизиологических компонентов, осознаваемые и неосознаваемые представления и переживания, приобретая системную целостность, знаково-символический характер, культурную форму и произвольность социального функционирования.

Ключевые слова: здоровье, тело, исцеление, телесность, бытие, целостность, деятельность.

BODY HEALING AND INTEGRALITY OF CORPOREALITY

V. I. Kudashov

Krasnoyarsk State Medical University named after Prof. V. F. Voyno-Yasenetsky

Abstract. Health status as «healing» of the body is determined by the need of finding the integrality and in this sense is the basis of self-development freedom. Modern research of a person is forced to admit that his physicality includes both physical and metaphysical aspects of being a subject in the world. Corporeality is not the same as body and includes, besides psychophysiological components, conscious and unconscious representations and experiences, acquiring system integrity, semiotic and symbolic, cultural form and arbitrariness of social functioning.

Key words: health, body, healing, physicality, being, integrity, activity.

Обычно, говоря о здоровье как исцелении от болезней, подразумевают, что здоровье — это естественный феномен, а «исцеление» — это возвращение к нарушенной болезнями изначальной целостности данного природой тела и психики. Но ведь нормы здоровья, на которые ориентированы медицинские технологии, — это уже не естественный феномен, а скорее искусственный. Действительно, с социальной точки зрения (а именно на нее ориентирован медицинский дискурс) здоровье — это эффективное функционирование. Например, здоровье ребенка определяется не относительно его идеальных природных характеристик, а относительно будущих требований к его социальному функционированию: когда ребенок пойдет в школу, он должен эффективно учиться, потом, когда подрастет, эффективно служить в армии, когда создаст семью, родить и воспитать здоровых детей, когда пойдет работать, эффективно выполнять свои функции как специалист и др.

Вывод очевиден: здоровье не является естественным феноменом, это социальный артефакт, неразрывно связанный с социальными (медицинскими) технологиями. Но осознается этот артефакт обычно как естественный феномен, объясняемый необходимостью оправдать медицинские технологии «целостной природой человека».

Однако что такое природа человека, не является ли она сама артефактом? Ведь и сам человек, и его здоровье, так же как и нездоровье, задаются в рамках культурных семиотических представлений, картин мира. В архаической культуре человек и исцеление осмысляются в рамках анимистической картины: нездоровье — временный выход души из тела, а выздоровление — ее возвращение. И хотя сегодня мы осмысляем человека и его здоровье, главным образом, в рамках научных картин мира, на «культурной периферии» сохраняются трактовки тела человека и его исцеления, во многом сходные с анимистическими.

Сегодня медицина рассматривает человека, по меньшей мере, на четырех уровнях — социального функционирования, биологического организма, психики и личности. При этом медицинская наука не в состоянии точно ответить на вопросы, как связаны между собой эти уровни и как характер связей между ними должен сказываться при разработке медицинских технологий. Например, неясно, какие конкретно факторы техногенной цивилизации способствуют разрушению здоровья, как психика влияет на соматику человека и наоборот, как установки личности и образ жизни человека определяют состояние психики и т.д. Анализ показывает, что опытный характер

медицинских знаний обуславливает незапланированные негативные последствия медицинских технологий. Но не меньшая ответственность за возникновение этого негативного эффекта лежит на общем технократическом дискурсе, частью которого является медицинский дискурс.

Тем не менее, здоровье и высокая продолжительность жизни в техногенном обществе может поддерживаться только при наличии хорошо организованной социально-медицинской и оздоровительной инфраструктуры. В условиях массовых потерь «природного» здоровья необходимы соответствующие технико-технологические и организационные меры, поднимающие состояние здоровья и потолок жизни. Сколько может продолжаться такой процесс потерь природных качеств, сказать сложно. Скорее всего, наступит порог, за которым ежесекундный контроль техники за человеком, массовое внедрение внутренних органов и чипов станут неизбежными. Такое биотехносоциальное существо может продлить свое существование, но это уже будет за пределами биосферного, «естественного» человека.

Состояние здоровья как «ис-целения» тела определяется необходимостью обретения целостности и в этом смысле составляет основание свободы саморазвития. Существенным моментом этой свободы можно считать растущую независимость человека от ограничений, задаваемых его собственной телесностью, которая позволяет человеку утверждать: «Я тем более здоров, чем шире диапазон доступных мне произвольных действий». В истории философской мысли можно видеть как подчеркивание примата телесного бытия человека, так и полное пренебрежение телом во имя духовности. Исследование телесности является обязательным элементом проблемы человека во всех многообразных характеристиках его сущности и существования. Актуальность данной проблематики обусловлена современным состоянием учения о человеке в целом, антропологическим кризисом, необходимостью рефлексии научных данных о человеческом здоровье.

Новейшие достижения науки и техники, новый образ жизненного пространства информационного общества изменяют социальные отношения производства, потребления и коммуникации, остро ставят проблемы духовных ценностей и развития телесной организации человека. Изменения в культуре, связанные с коммерческим и потребительским отношением к человеческому телу, развитие высокотехнологичной научной медицины и генетики порождают сложные философские, правовые и нравственные вопросы о статусе тела. Сущность, существование и самоидентификация человека все чаще рассматриваются, принимая во внимание человеческое тело. Изменения в отношениях между полами, феминистская критика подчиненного положения женщины в обществе способствуют повышению интереса к социокультурным аспектам человеческой телесности. Многочисленные эмпирические исследования тела в психологии, психофизиологии, разработка специфических телесных техник для решения психотерапевтических задач способствуют увеличению внимания к человеческой телесности не только со стороны ученых, но и широкой общественности.

Новый взгляд на тело и формирование нетрадиционных отношения к телесности в различных областях эмпирического

и теоретического знания, дифференциация современной науки, ведущая к дифференциации на множество частей самого объекта исследования, ставят задачу их осмысления и приведения в целостную систему. Сегодня необходим не только дифференцированный анализ тела как объекта и тела как субъекта, но и интегративный анализ совокупности различных его состояний, качеств и способностей, объединяемых в понятие телесности. В современной психологии осознается невозможность рассмотрения человеческого тела в отрыве от его духовности, сознания, мышления, памяти. Становится ясно, что телесность не может быть оторефлексирана посредством традиционных категорий, разработанных в классических парадигмах человека. Возникает проблема рефлексии телесности как особого типа целостности человека, целостности, имеющей особое бытие и пространственные измерения.

В проблемное поле современного анализа телесности входят вопросы о границах телесности и человеческого тела, диалектики внутреннего и внешнего уровней телесности, свободы и детерминированности телесной организации человека в разных типах культур. Логической точкой пересечения социокультурных аспектов телесности предстает символика и семиотика тела, как особый «язык» тела. Для социокультурной антропологии знаковые структуры тела остаются источниками социальных метафор, для философской антропологии тело выступает как субстрат естественных и искусственных языков. Исследования человеческого тела в медицине, физиологии и других естественных науках не только способствовали более глубокому постижению биологии человека, но и обогащали представления о человеке новыми образами, проецируемыми на картину человеческого мира. Открытия в области нейрофизиологии мозга дали основания для формирования информационно-кибернетического подхода и рассмотрения человеческой телесности с точки зрения информационных процессов.

Проблема телесности в общем плане и в соотношении с сознанием рассматривается в различных ракурсах А. Бергсоном, Э. Гуссерлем, Ф. Ницше, Ж.-П. Сартром, М. Хайдеггером. Органическая взаимосвязь современных парадигм человека и проблем телесности обнаруживается в работах, посвященных проблемам тела и души как внешнего и внутреннего. Концепция «феноменального тела» М. Мерло-Понти высветила непродуктивность противопоставления «духовного» «телесному». Феномен телесности как неразличимости «внутреннего» и «внешнего» стал предметом анализа А. Арто, С. Беккета, Ж. Делёза. Исследования тела охватывают целый круг вопросов: исследование статуса телесности, изучение проблемы телесности в историческом контексте; интерпретация «телесных схем» в психоаналитической практике с опорой на идею З. Фрейда о теле как знаке-символе; анализ соотношения телесности и ментальности в психологии и психотерапевтической практике.

За последние десятилетия значительно усилилось социокультурное направление в осмыслении человеческой телесности. В рамках этого направления телесность понимается как социокультурный феномен, обладающий значениями и смыслами и выполняющий определенные культурные функции. Все чаще тело рассматривается как продукт

развития культуры. В отечественных исследованиях социальная телесность подвергается рефлексии с позиции категории социального бытия. Проблема приобретения социальных качеств человеческим телом становится предметом специальных исследований, посвященных анализу социализации телесности в процессе онто- и антропосоциогенеза. Аксиологические проблемы взаимоотношений тела и души, плоти и духа получили свое выражение в теологических учениях и религиозной философии. Анализ рассмотрения тела в христианстве сохраняет определенный интерес для некоторых современных исследователей, получая развитие в работах по инвайронментальной философии (исследования Э. Левинаса, О. Леопольда, Дж. Пассмора).

Значительным импульсом для осмысления человеческой телесности являются дисциплинарные исследования человеческого тела. В научном поле взаимодействия дисциплинарных концепций человеческого тела особенно перспективным на современном этапе оказывается историко-генетический аспект. В то же время дисциплинарные подходы к проблеме тела не дают возможности раскрыть интегральную сущность различных измерений жизни человека в социуме, в его культурно-смысловых и пространственных структурах. История тела стала предметом изучения во многих отраслях гуманитарного знания и в медицинской антропологии. Причем каждая из теорий не похожа по своему содержанию на другую, поскольку в одном случае это история сексуальности (М. Фуко), в другом — история психологии тела (В. Шкуратов), в третьем — история анатомических и физиологических исследований тела (Г. Глязер).

Обзор современных исследований позволяет не только выявить новые инновационные результаты осмысления человеческой телесности, но и обозначить пока еще не решенные проблемы. Среди них следует отметить разноплановость суждений о телесности как интегральной характеристике человека. Не прослежено формирование онтологических начал целостности человеческой телесности, не получила последовательной рефлексии проблема внешнего и внутреннего состояний телесности, проблема их взаимного дополнения, остаются все еще без достаточного осмысления многие эмпирические научные данные, в том числе нейрофизиологические основы различения восприятия человеком внешнего и внутреннего мира и знаково-символических функций.

В социокультурном направлении исследования телесности сохраняется влияние социоцентризма, абсолютного приоритета культуры, общественных форм жизни над природными предпосылками человеческого бытия. Развитие здоровой телесности человека происходит в результате взаимодействия внешних природных (географических, климатических, физических и филогенетических), внешних культурных (исторических, социокультурных), внутренних природных (индивидуально-генетических, биологических, физиологических) и внутренних культурных (духовных, мировоззренческих) факторов. Отмечая эти факты взаимообусловленности внутреннего и внешнего в человеке, укажем на то, что проблема исцеления тела как сохранения индивидуальной, неповторимой, уникальной целостности предполагает постановку вопроса о факторах развития индивидуальной телесности.

Стратегия исследования телесности способствует систематическому выявлению всех ее аспектов в целом и методов ее постижения. К числу актуальных проблем осмысления человеческой телесности относится инновационное усвоение опыта понимания взаимодействия души и тела в историческом процессе. В повседневном понимании, которое, как правило, является основой всякой теоретической рефлексии, исторически привычным и понятным на уровне «здорового смысла» является противопоставление тела и души (духа). Но если в обыденном мнении понятие «тело» появляется в результате различения «внутреннего» Я и его «внешнего» воплощения, то философское рассмотрение требует существенного уточнения: проблема телесности не является частью проблемы отношения души и тела, поскольку для самой постановки психосоматической проблемы уже приходится использовать термин «тело». Даже когда мы пытаемся рассуждать о целостности единой системы «души-тела», мы уже находимся в неустрашимом контексте разделения этой системы на обособленные компоненты. И любые построения из этих диссоциированных конструктов ведут лишь к поверхностному объединению того, что уже утратило свою изначальную целостность.

Необходимо признать, что наш когнитивный словарь, где указанные противопоставления и даже взаимосвязи ухватывают лишь отдельные аспекты сложной и многомерной реальности человеческого бытия, культурно-исторически обусловлен и по необходимости односторонен. Если, например, европейская гуманитарная мысль сосредотачивается на проблемах самости и Я, то кажется вполне логичным в данной парадигме рассматривать тело как нечто особое, «неодушевленное» и/или «неодухотворенное». Но естественно ли отделять тело от самости и Я уже не в эпистемологическом, а в онтологическом ракурсе? Правильнее будет считать, что подобные абстракции не разрушают человеческой целостности, которая телесна изначально, а лишь указывают на ее многомерность. Поэтому телесность необъяснима только через традиционные философские категории: тело — не часть человека, а весь человек, это способ его целостности.

Рассматривая телесность в онтологическом плане, приходится признать, что мы имеем дело не с простой фактичностью человека, а с реальностью, которая в принципе может быть реконструирована, ведь анализу подлежит не природа человеческого тела, а «тело человеческой природы». В своем поэтичном стиле это выразил Ф. Ницше: «Мы, философы, не вольны проводить черту между душой и телом, как это делает народ... Мы не какие-нибудь мыслящие лягушки, не объективирующие и регистрирующие аппараты с холодно установленными потрохами, — мы должны непрестанно рожать наши мысли из нашей боли и по-матерински придавать им все, что в нас есть: кровь, сердце, огонь, веселость, страсть, муку, совесть, судьбу, рок» [4].

Нужно понимать при этом, что категориальный аппарат философии и науки, сформированный в европейской, иудео-христианской, по преимуществу, историко-культурной парадигме, изначально и практически неустрашимо дуален. Тем не менее, современное состояние понимания телесности требует, чтобы даже с помощью таких, не всегда удовлетворительных для данной проблемы, средств попытаться выразить

«невыразимую» недугальность, ведь других вербальных возможностей у нас пока просто нет. Хотя следует указать, что иногда язык может оказывать помощь для некоторой степени осознанности целостного понимания телесности: если в русском «телесность» интуитивно ощущается, как простое производное от «тела» (по аналогии — «духовность» — от духа), то английский язык дает повод для более широких толкований — *corporeality* может пониматься как особая реальность, не выводимая непосредственно «из» тела.

Чтобы как-то выйти из этой ловушки языка, И.А. Бескова вводит понятие «интегральной телесности», как «изначальной целостности <ум — тело>, характеристическим качеством которой выступает свойство недвойственности» [1]. В данной целостности не должно быть искусственного разбиения на процессы, осуществляемые умом, и состояния, испытываемые телом. Телесность в таком понимании характеризует мир человека как бы до его разделения на «внутренний» и «внешний». Тем не менее, индоевропейские языки, на наш взгляд, недостаточно глубоко отражают сущность той реальности, которая скрывается под термином «телесность». Целесообразно в этой связи обратиться к иной культурной традиции, условно обозначаемой «Восток», а конкретнее выражаемой в особенностях китайского мировоззрения.

По мнению известного религиоведа, исследователя даосизма, Е.А. Торчинова, это мировоззрение в европейских терминах определяется в целом как «виталистический натуралистический холизм», поскольку китайская культура «не знала идеи духа как начала, иноприродного чувственному бытию» [5]. А раз нет нематериального духа, нет и неодоухотворенной материи, соответственно, бессмысленна и искусственная оппозиция духа и тела. Есть лишь единый и целостный космос, пронизанный потоками жизненной силы, все части которого находятся во взаимосвязи и гармоническом единстве, непрерывно трансформируясь в своей изначальной пластичности. Европейские понятия «духа» и «материи» — это не более, чем вербальные выражения модусов единой стихии, которая обозначается иероглифом «ци». Его изображение этимологически представляет собой пар над котлом с варящимся рисом, что дало основу классического образа «ци» китайского философа Ван Чуна, жившего в начале христианской эры: подобно тому, как вода превращается в пар, так и «ци», истончаясь, становится духом, а сгущаясь — веществом.

Осознавая теоретическую примитивность и культурно-историческую обусловленность подобных образов, подчеркнем, что познавательный потенциал категории «ци» не только не уступает, но и во многом превосходит многие европейские философские категории, некритически взятые из иудео-христианской традиции. Например, понимание «ци» как онтологической основы процессуальности во многом гораздо ближе современным космологическим представлениям, чем библейские трактовки «Большого взрыва» и креационизм в толковании эволюционных процессов. Метафизика «ци» позволяет рассматривать явления и процессы, разводимые западной философией как разноприродные в качестве родственных форм, хотя и изменчивых и преходящих.

Но даже и китайские мировоззренческие паттерны представляются нам недостаточными для более точного и глубокого

понимания природы целостной телесности. Поэтому можно воспользоваться некоторыми теоретическими положениями «интегрального подхода» американского философа и писателя К. Уилбера, который попытался синтетически объединить многие области знания — от физики и биологии, теории систем и теории хаоса, искусства, поэзии и эстетики — до значительных школ и направлений антропологии, психологии и психотерапии, духовно-религиозных традиций Востока и Запада. В своей критической части интегральный подход показывает явную недостаточность любых частичных мировоззрений и интеллектуальных подходов, утративших полноту перспективы и не осознающих свое место в целостной системе человеческого познания. По мысли Уилбера, эта система состоит из четырех секторов, образующихся при делении плоскости образа мира двумя перпендикулярными прямыми, с осями по направлениям «индивидуальное-коллективное» и «внутреннее-внешнее». Получившиеся сектора представляют четыре фундаментальных измерения мира, которые не сводимы друг к другу по предмету, методам познания, критериям истины и языку. Это измерения: субъекта (интроспекция, феноменология); объекта (классический научный метод и наука); интерсубъективности (теория культуры) и интросубъективности (социология, теория систем). Интегральный подход пытается признавать зерно истины в каждом из этих измерений — «от эмпиризма до конструктивизма, от релятивизма до эстетизма — однако, лишая их претензий на роль единственно существующей истины, он освобождает их от присущих им противоречий — и как бы находит каждому из них свое место в подлинном многоцветном содружестве» [6].

В контексте данного подхода человеческая телесность не может рассматриваться только в качестве природного или социального объекта, так как изначально выступает сферой индивидуальной и культурно обусловленной субъектности в своей деятельности и выразительности. Телесное бытие — это не просто природная данность, вещная наделенность субъективности плотью, а сложная, культурно детерминированная деятельность в конкретных исторических условиях развития человеческого общества, которая проявляется в виде специфических форм движения. Как отмечал М. Мерло-Понти, «будучи системой двигательных или перцептивных способностей, наше тело не является объектом для «я мыслю», оно — совокупность проживаемых значений, которая ищет равновесия» [3].

Любые телесные движения человека включают в себя предвосхищение объективности, содержат некий интенциональный проект, выходят за рамки биологической причинности. Всякое движение — познавательное, практическое, коммуникативное — позволяет человеку найти себя в мире вещей и людей, поскольку он не просто изначально телесен, но изначально является целостной «телесностью-в-мире». Отсюда актуальность исследования движений и вырастающих из них действий, которые лежат в основе всех проявлений человеческой деятельности — от бытовой и трудовой до спортивной и магической. Особое значение в этой связи имеют исследования традиционного китайского искусства «цигун», включающего различные практики психосоматической работы с универсальной энергией «ци» и пока недостаточно

представленные в русскоязычных переводах во многом пара- научных текстов доктора философии Ян Цзюньмина, мастера Мантэк Чиа или врача Тосихико Яама. Пытаясь критически осмыслить эти и некоторые другие труды, отметим, что движения тела сразу складываются как целостные движения, они являются основой интенциональности, так как не сводятся к элементарным перемещениям в пространстве и представлениям об этих перемещениях. Усвоение техник движения теснейшим образом связано с усвоением символического языка, ведь тело выступает первичным генератором символических кодов разных типов – визуальных, акустических, тактильных – и интерпретатором этих кодов, что проявляется в рефлексии.

Традиционные китайские техники работы с телом, основанные на принципе естественности, по своей сути являются не чисто физическими практиками, а комплексными методами работы с психическими проекциями в человеческом теле. В Китае такие методы являлись детально разработанными и представляли телесно ориентированное комплексное искусство гармонизации и исцеления (как обретения целостности, оздоровления) человека. Среди китайских техник «внутренней работы», «ней-гун», как в прошлом, так и в настоящее время одно из лидирующих положений занимает целостная система оздоровления и психофизиологического тренинга «тайцзи-цюань», в которой большинство движений происходит как бы внутри кинестетического, энергетического и психического измерений человека. Сами китайские мастера определяют искусство «тайцзи-цюань» как проверенную временем утонченную системой упражнений для тела, разума и управления потоком энергии.

Вокруг китайского искусства «цигун» и генетически связанной с ними системы «тайцзицюань» сложилась ситуация, когда традиционная метафоричная система описания богатейшего эмпирического и феноменологического наследия методов психофизического тренинга, возникшая в древней культуре, не адекватна современному европоцентричному дискурсу, что затрудняет ее систематический анализ и философское осмысление. В этих условиях, как доказывает Б.О. Майер [2], необходимо отказаться от тех или иных исторически сложившихся воззрений и перейти к прямому моделированию традиционных движений, исходя из самых общих представлений по сравнительному и морфологическому анализу в классификации слабо структурированного феноменологического материала. При этом результатами такого моделирования должно стать не только построения биомеханических и психофизиологических моделей движения, но и построение на их основе системы метафор, адекватной психосемантической матрице современного европейски образованного человека.

Даже простейшие проявления телесности пронизаны экзистенциальными тонами – это доказали многочисленные результаты современной телесно-ориентированной психотерапии. Интересно отметить, что телесно-ориентированный подход в психологической практике прошлого века опередил в своем развитии свое эпистемологическое отражение – the embodied cognition approach, появившийся в последние десятилетия. Данная методология фокусируется на «отелесненности» (embodied) процесса познания всех живых существ.

Фундаментальный базис указанной концепции заложен и активно развивается философами, нейрофизиологами и биологами Ф. Варелой, Р. Биром, А. Дамасио, Дж. Лакоффом, М. Митчел, Э. Томпсоном, Э. Рош, Е. Князевой и многими другими.

Недавно в журнале «Proceedings of the National Academy of Sciences» была опубликована статья российских ученых, которая показывает, что в восприятии и понимании речевой информации мозгом человека участвуют не только традиционные речевые области, известные еще из классических работ неврологов XIX столетия, но и те зоны коры головного мозга, которые управляют двигательным аппаратом и отвечают за двигательную активность. Участие этих зон обеспечивается в процессе их практически мгновенной и автоматической активации, которая начинается через 100 миллисекунд после предъявления слов акустически и выявлена, даже когда человек не прислушивается к предъявляемым ему словам.

Кроме того, работа показывает, что слова не только активируют свои области в моторной коре (например, при прослушивании слова «пинок» автоматически активируется зона, контролирующая движения ног), но и подавляют активность в чужих зонах, которые по смыслу связаны с другими словами [7]. Эти результаты указывают на то, что традиционные представления о восприятии мозгом языка как об изолированной, оперирующей абстрактными символами системе неверны. Из основ нейрофизиологии известно, что когда нейроны активируются одновременно, то между ними появляются и усиливаются связи, возникают ассоциации между мозговыми процессами, отвечающими за такие, казалось бы, разные функции. Таким образом, формируется целая сеть нервных клеток, находящихся в разных районах мозга, включая и те, которые традиционно связывают не с речью, а с функциями движения мышц, которые присутствуют не только у человека, но и у всех животных. Эта сеть напрямую, физиологически связывает звучание и произношение того или иного слова с теми действиями и ощущениями, которые оно означает.

Эти и многие другие нейрофизиологические и когнитивные исследования заставляют признать, что телесность человека оказывается его интегральной характеристикой, не совпадающей с какой-либо одной его стороной – биологической или «материальной» в противоположность социальной, культурной или «духовной», она охватывает как физические, так и метафизические его параметры, включая и индивидуальное, и коллективное измерения человеческого бытия. Такое понимание становится все более актуальным в последнее время, когда информационные технологии виртуальной реальности, проекты генетической трансформации ориентируют нас на рассмотрение телесности как информационной матрицы.

Нарастающая перспектива не просто хирургической модификации, а виртуальной симуляции или полной электронной замены человеческого тела на квантовый носитель побуждает нас все более внимательно сосредоточиваться на тех его свойствах, которые образуют родовую специфику человека как природно-культурного существа, но могут атрофироваться или элиминироваться по мере его технологического ароморфоза. В современном дискурсе трансгуманизма, настойчиво приближающем перспективы становления ноосферы,

заселенной принципиально многообразными воплощениями техногенной разумности, обостряются именно те атрибуты человеческого бытия, которые связаны с его телесностью.

Итак, телесность видится как интегральная феноменологическая реальность, включающая биопсихосоциальные аспекты бытия субъекта в физическом мире. Телесность при этом не тождественна телу как организму и включает помимо психофизиологических компонентов, осознаваемые и неосознаваемые представления, переживания, метафоры, и приобретая, таким образом, системную целостность, знаково-символический характер, культурную форму и произвольность социального функционирования.

Литература

1. Бескова И.А., Князева Е.Н., Бескова Д.А. Природа и образы телесности. — М.: Прогресс-Традиция, 2011. — 456 с.
2. Майер Б.О. Искусство Тайцзицюань как система оздоровления и гармонизации человека. Психофизиологическая модель // Новые образовательные технологии в стратегии духовного развития общества: материалы Международной конференции. «Экология Человека». — Т. VI, часть III, заключительная. — Новосибирск: Изд. Центр ГЦРО, 2000. — С. 241-259.
3. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с франц. / Под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. — М.: Ювента, Наука, 1999. — 608 с.
4. Ницше Ф. Веселая наука: Соч.: В 2 т. — Т. 1. — М.: Мысль, 1990. — 829 с.
5. Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. — СПб.: Азбука-классика, Петербургское Востоковедение, 2005. — 480 с.
6. Уилбер К. Око духа: Интегральное видение для слегка свихнувшегося мира / Пер. с англ. В. Самойлова / Под ред. А. Киселева. — М: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 476 с.

7. Shtyrov Y., Butorina A., Nikolaeva A., Stroganova T. Automatic ultrarapid activation and inhibition of cortical motor systems in spoken word comprehension: [Electronic source] — <http://www.pnas.org/content/early/2014/04/18/1323158111>.

References

1. Beskova I.A., Knyazev E.N., Beskova D.A. Nature and images of physicality. - Moscow: Progress-Tradition, 2011. — 456 p.
2. Mayer B.O. Art of Taijiquan as a system of healing and harmonizing of a person. Psychophysiological model // New educational technology in strategy of spiritual development of society: Abstracts of the International Conference. «Human Ecology». — Vol. VI, Part III, the final. — Novosibirsk: MCED Center, 2000. — P. 241-259.
3. Merleau-Ponty M. Phenomenology of Perception / Tr. from French. ed. I.S. Vdovina, S.L. Fokin. — M.: Juventa, Science, 1999. — 608 p.
4. Nietzsche F. The Cheerful Science: Vol.: 2 volumes. — Vol. 1. — M.: Mysl, 1990. — 829 p.
5. Torchinov E.A. Ways of East and West Philosophy: the knowledge of the beyond. — St. Petersburg.: ABC-classic, Oriental Studies Petersburg, 2005. — 480 p.
6. Wilbur K. Eye Spirit: Integral Vision for slightly daffy world / Tr.. from English. V.Samoilova / Ed. A.Kiselev. — M: "Publishing AСТ, LTD", 2002. — 476 p.
7. Shtyrov Y., Butorina A., Nikolaeva A., Stroganova T. Automatic ultrarapid activation and inhibition of cortical motor systems in spoken word comprehension: [Electronic source] — <http://www.pnas.org/content/early/2014/04/18/1323158111>.

Сведения об авторах

Кудашов Вячеслав Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук, ГБОУ ВПО Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого МЗ РФ.

Адрес: 660022, Красноярск, ул. П. Железняка, г. 1; тел. 8(391) 217174; e-mail: vkudashov@mail.ru.

© НАУМЕНКОВА К. В.

УДК 614.253.83

ПРЕПОДАВАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ «БИОЭТИКА» (КОМПЕТЕНТНОСТНОЕ ОБУЧЕНИЕ НА ЭТАПЕ ПЕРЕХОДА К НОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ)

К. В. Науменкова

ГБОУ ВПО Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого
Министерства здравоохранения РФ, ректор — д.м.н., проф. И. П. Артюхов;
кафедра философии и социально-гуманитарных наук, зав. — д.ф.н., проф. В. И. Кудашов.

Резюме. В данной статье рассмотрены теоретические основания компетентностного подхода в преподавании гуманитарных дисциплин. Автором обоснована необходимость ухода от академического подхода преподавания, показан собственный опыт и значимость внедрения в учебный процесс интерактивных форм обучения в процессе преподавания дисциплины «биоэтика».

Ключевые слова: компетентность, гуманитарные технологии, образование, биоэтика, мировоззрение, хоспис.